

В ЭПАЛЕНЖЕ, У АВТОРА ДВУХСОТ РОМАНОВ

МЫ ПУБЛИКУЕМ ИНТЕРВЬЮ С ЖОРЖЕМ СИМЕНОМ, ВЗЯТОЕ
СПЕЦИАЛЬНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ЛГ».

БЕЛЬГИЕЦ по рождению, знаменитый французский беллетрист Сименон живет теперь в Швейцарии, в местечке Эпаленж, неподалеку от Лозанны.

Так называемая французская Швейцария начинается где-то в 40—50 минутах езды от Лозанны.

Едва лишь машина останавливается в Эпаленже, возникает ощущение, будто ты забрался куда-то далеко-далеко, в совсем отличный от немецкой Швейцарии мир. Пока это только ощущение, его даже объяснить трудно. Однако скоро становится понятным, что имели в виду мои бернские знакомые, когда говорили: — В Женеве или Лозанне мы чувствуем себя почти как за границей.

Захожу в кафе справиться, где живет Сименон. По привычке, успевшей сложиться в Цюрихе и Базеле, заговорил по-немецки. Хозяин худощавый, маленький, смуглый, черноглазый, во французском берет, ответил: — Je ne parle pas allemand, monsieur.

Неуверенно перехожу на французский. И узнаю, что нужно повернуть направо и ехать, пока не увидишь большой белый дом. Это и будет дом Сименона — «того человека, который придумал комиссара Мэгре», — добавил он...

Дом действительно оказался ослепительно белым двухэтажным прямоугольником, стоящим посреди зеленого дуга, окруженного изгородью, такой, какие, наверно, бывают на американских ранчо. В углу, у самой изгороди, — белое строение, одноэтажное и наполовину стеклянное: плавающий бассейн.

Меня провели в дом, усадили в кресло, и тотчас же из маленькой боковой двери появился «человек, который придумал комиссара Мэгре», автор двухсот романов, известных всему миру. Он худощав, очень подвижен, слегка рыжеват, носит очки и, вероятно, предпочитает в одежде коричневые и бежевые тона. И необычайно прост в обращении. Для него я был просто неким «русским профессором». Контакт возник почти мгновенно. Взяв под

руку, он водил меня по комнатам, показывал трубки; с особой гордостью ту, которую получил от рабочих Бийска — почитателей его таланта. Подливал в мой стакан виски, разбавляя его содовой. И рассказывал о себе.

Сименон пишет роман примерно за неделю. В эти дни плотные шторы на окнах кабинета опущены. На столе зажигается шарообразный электрический плафон. Никаких посетителей, никаких телефонных звонков. Домашние ходят на цыпочках, разговаривают шепотом. Работает Сименон с восьми до половины одиннадцатого, а потом с трех до шести. В промежутке гуляет, плавает, немного спит.

Кончив рукопись, Сименон дней восемь — десять к ней не прикасается. Старается о ней не думать, отдалиться от нее. Чтобы потом взглянуть на сделанное глазами постороннего. Этот «посторонний» и правит ее в течение последующих четырех-пяти дней: главным образом безжалостно сокращает, заменяет некоторые слова и выражения. Хотя правка и не очень значительна (я видел некоторые рукописи), эта работа Сименона сильно утомляет.

Однако он не может позволить себе расслабиться, — скажем, затратить не семь, а двенадцать дней на писание, не пять, а семь — на правку. Потому что боится потерять темп, выйти из состояния того поистине необычайного жизненного ускорения, в котором только и способен писать.

Несколько лет назад Сименон писал от руки остро отточенными карандашами (вазочка с карандашами и сейчас стоит на столе). Затем, не делая в рукописи исправлений, сам перепечатывал все начисто.

Теперь он сразу садится за машинку.

К своим вышедшим книгам Сименон более не возвращается. Не перечитывает и не переделывает. В этом смысле к осуществлению ныне полному собранию его сочинений он не имеет никакого отношения...

— Не хотите ли заглянуть в библиотеку? — предложил Сименон. —

Там собраны все французские и зарубежные издания моих книг.

Библиотека эта подавляет. Не скрою, на первых порах у меня складывается впечатление, что в доме Сименона тщательно лежат его «культ». Но вскоре понимаю, в чем тут дело. Здесь, вероятно, привыкли к любопытствующим визитерам, так или иначе смирились с ними (за популярность надо платить!). А любопытствующих, когда они соприкасаются с жизнью «знаменитости», интересуют в основном всевозможные «курьезы» и «детали» — трубки, отточенные карандаши, задернутые шторы, переводы на язык туарегов...

В какой-то мере это устраивает хозяина дома. Так ему проще играть на людях ту роль, которая этими же людьми наперед для него придумана. Легче оставаться самим собой.

— Вы, вероятно, потому пишете так быстро, мосье, — спрашиваю я у Сименона, — что, прежде чем начинать, вся предварительная работа уже закончена?

Говоря это, я думал о Генрике Ибсене. Тот, как известно, часами просиживал у туалетного столика — полировал ногти, подстригал бакенбарды и... сочинял. А когда очередная сцена пьесы была готова в его голове до последнего слова, до последней запятой, брал перо и просто записывал сочиненное...

— Садясь за письменный стол, — отвечает Сименон, — я еще не знаю сюжета.

В устах автора двухсот остросюжетных романов это прозвучало по меньшей мере как парадокс. Но Сименон и рассчитывал на мое удивление, даже недоверие. О том свидетельствовала его заговорщическая улыбка.

Профессиональная память критика тут же подсовывает мне другую историко-литературную аналогию. Я вспоминаю Эдгара Уоллеса — поставщика приключенческого чтения. В расцвете своей славы тот «выдавал на-гора» роман за сутки — другие, наговаривая текст на валики изобретенного Эдисоном фонографа. А в соседней

комнате секретарь, к которому в случае цейтнота присоединялась и жена автора, отстукивал на машинке страницу за страницей. Уоллес, включая фонограф, вообще ничего не знал о будущем произведении, кроме того, что оно к такому-то часу должно лежать на столе издателя. Наговаривая его, он следил только за развитием сюжета. Психология героев и мотивировка их поступков Уоллеса не интересовали. Нередко он путал имена. В обязанности секретаря, кроме всего прочего, входило следить за тем, чтобы гангстерский вожак, однажды названный Смитом, не превращался в Робертсона.

У Сименона такое немислимо — так что и аналогия с Уоллесом не «сработала». Сименон показал мне заметки, которые предваряют его романы. Он делает их на желтоватых конвертах среднего размера. Очевидно, когда-то в нужный момент ничего иного под рукой не оказалось, а потом весте записи на конвертах стало привычкой, может быть, суверенной. Записи невелики, но содержание их довольно любопытно: это — имя героя, его точный возраст, профессия, адрес (иногда Сименон даже набрасывает план соответствующих парижских улиц). Затем — сведения о родителях героев, о их местожительстве, занятиях и так далее.

— Мне, — поясняет Сименон, — необходимо представлять человека, его характер, семью, ближайшее окружение, среду, в которой он вращается, все условия его существования. Нужно все это ясно видеть, чтобы знать, как он поступит, как поведет себя в тех или иных обстоятельствах. Например, Ален из романа «Тюрьма», — несколько минут назад я передал Сименону номер «Иностранной литературы», где напечатано это произведение, и журнал все еще лежит у него на коленях.

— Я задумываюсь, как бы вышибить Алена из седла, заставить его увидеть все в истинном свете, почувствовать, какую призрачную жизнь он ведет. И я заставляю сестру убить сестру. Это моя выдумка. — смеется Сименон, — но уж

затем все герои действуют «самостоятельно», не по моей воле. Выдумывая это, я еще не знал, почему Мур-мур застрелила Адриенну...

Возможно, и по сей день я бы сомневался в точности автокомментария Сименона, если бы своими глазами не увидел, что слова «Жюльен Бур — фотограф» нацарапаны в уголке соответствующего желтоватого конверта. Жюльен Бур всплыл в сознании автора лишь тогда, когда без него уже нельзя было обойтись.

— В моих книгах, — говорит Сименон, — обычно три плана. Самый поверхностный и для меня самый незначительный — сюжет. Он не только все связывает, но и рассчитан на широкого читателя, которого, по-моему, следует прежде всего заинтересовать. Второй план — это герой и «рассказ» о его жизни и судьбе. И третий, самый важный, — символический. Это то, что я хочу сказать своей книгой. В том числе и ее названием. «Тюрьма» — это не только дом с решетками, где держат Жаклину. В тюрьме — и Ален, и преследующий муж убитой Адриенны.

— Не надо выдумывать технику, — продолжает Сименон. — Она приходит сама, если есть что сказать. Современный писатель должен говорить о современном мире. Раньше писали хроники, а теперь нужно найти событие, которое все переворачивает в жизни героев, и вокруг него строить свой рассказ.

— Заметьте, однако, — улыбается Сименон, — что я пришел к этому сам. Я не читаю ни критиков, ни современных писателей. Не хочу подвергаться чуждому влиянию. Читаю только классиков, мемуары, разные социологические трактаты. И, конечно, наблюдаю жизнь.

Да, он внимательно наблюдает жизнь, — этот прославленный беллетрист Сименон. — Жизнь окружающего его буржуазного общества. И хочет поставить своих читателей лицом к лицу с ней, с ее оголенной правдой, стремясь «вышибить» их из состояния сонной самоуспокоенности, стремясь заставить их думать и искать.

* «Я не говорю по-немецки, мосье» (франц.)